

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА С. ДОВЛАТОВА: ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА И КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЗАПОВЕДНИК»)

Ю.И. Микаэлян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454 Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье на примере повести «Заповедник» и её переводов на английский, испанский и бразильский португальский языки анализируются особенности авторского стиля писателя С.Д. Довлатова и маркеры культуры, присутствующие в его прозе и представляющие сложность для сохранения в переводе. На основе сопоставительного анализа текстов в рамках коммуникативно-функционального подхода исследуются стратегии перевода, предпринятые переводчиками на разные языки для передачи стилистического своеобразия и юмора повести. Перевод юмора представляет особую сложность, поскольку юмор всегда коннотативен и апеллирует к имплицитным знаниям, которыми может не располагать носитель другой культуры. В силу этих особенностей юмора, а также его ориентированности на получателя перевода, переводчики часто прибегают к стратегии доместикации (термин, введённый Л. Венути), адаптируя юмор под культуру перевода. Тем не менее, подобная стратегия не всегда оправдана, поскольку может противоречить авторскому замыслу. Кроме того, наличие в оригинале аллюзий к феноменам культуры, незнакомым иностранным читателям, также затрудняет восприятие и понимание переведённого текста. Как продемонстрировал проведённый анализ, несмотря на то, что из-за разницы в картинах мира у носителей разных культур и незнания реалий культуры исходного текста в переводе всегда теряется часть экспрессии и авторских замыслов, переводчикам удалось в значительной мере передать языковое и культурное своеобразие повести.

Ключевые слова: С. Довлатов, юмористическая проза, русская литература, переводоведение, коммуникативно-функциональный подход, перевод юмора, стратегии перевода, маркеры культуры.

Исследования в области переводоведения, межкультурной коммуникации и рецепции русской литературы в других культурах не теряют своей актуальности, поскольку перевод русских авторов на иностранные языки не прекращается и зарубежные читатели продолжают знакомиться как с новыми авторами, так и с новыми переводами уже известных произведений. Особый интерес для данного исследования представляет юмористическая проза, а именно творчество С.Д. Довлатова (1941 – 1990).

Последние годы её исследованию и переводу уделяется всё больше внимания.

Эмигрировавший в 1978 году в США писатель сумел завоевать не только публику из русскоязычной эмигрантской среды, но и добиться признания англоязычных читателей. Большинство довлатовских произведений было переведено и опубликовано на английском языке ещё при жизни автора, а его рассказы неоднократно публиковались в таких авторитетных американских журналах, как *New Yorker* и *Partisan Review*.

Так, в еженедельнике *New Yorker*, публикации в котором считаются в США одним из показателей успешности писателя, были опубликованы десять рассказов Довлатова [25].

Процесс перевода книг писателя на иностранные языки начался в 80-е годы прошлого века и продолжается до сих пор, как и изучение его творческого наследия в России и за рубежом. Последние несколько лет отмечены новым всплеском интереса к творчеству писателя: новые переводы его произведений были сделаны в США, Испании (причём не только на испанском, но и на каталанском языке), Бразилии и Аргентине.

Данная статья посвящена возможным стратегиям перевода произведений С. Довлатова на примере его повести «Заповедник». Повесть была впервые опубликована на русском языке в 1983 году в США, однако первая публикация книги на английском языке (*Pushkin Hills*) состоялась лишь спустя 30 лет, в 2013 году. Книга вышла в Великобритании и США в переводе дочери писателя Катерины Довлатовой. Кроме того, в 2016 году «Заповедник» (*Parque cultural*) впервые вышел на португальском языке в Бразилии, а в 2017 году вышел первый перевод книги на испанский язык в Испании (*Retiro*).

Многие критики и исследователи творчества Довлатова сходятся во мнении, что «Заповедник» – это одно из лучших [4, с. 328], но в то же время одно из наиболее сложных для перевода произведений писателя. Это связано как с его жанром, – Довлатов всегда работал в жанре юмористической прозы – так и с особенностями авторского языка и используемыми стилистическими приёмами и сложной смысловой структурой текста. Помимо элементов юмора в повести присутствует большое количество литературных аллюзий и отсылок к феноменам русской и советской культуры, то есть к целому блоку страноведческой информации, которая, как правило, оказывается недоступна читателю-иностранцу.

Цель данной статьи – проанализировать основные стилистические особенности авторского языка писателя и маркеры культуры, присутствующие в повести «Заповедник», и рассмотреть возможные стратегии перевода и культурной адаптации в рамках коммуникативно-функционального подхода. Для анализа возможных стратегий перевода мы будем опираться на переводы повести на испанский, бразильский вариант португальского и ан-

глийский языки.

Как известно, перевод «является одним из наиболее сложных видов межъязыкового и межкультурного посредничества» [8, с. 5]. В свою очередь, сложность при переводе юмора определяется его особой культурной маркированностью. Как поясняет голландский теоретик перевода Йерун Ванделе в своей статье «Юмор в переводе» (*Humour in translation*), юмор всегда тесно связан с культурой, в которой он был произведён, отражает её специфику и содержит коннотации и ассоциации, носящие имплицитный характер [21, с. 150].

Тем не менее, существует тип так называемых «международных» шуток, или шуток, понятных двум и более нациям (англ., *international / binational joke*), в терминологии испанского учёного и теоретика перевода Патрика Сабальбеаскоа. В своей статье «Юмор и перевод – междисциплинарный подход» (*Humor and translation – an interdisciplinary approach*) исследователь разрабатывает собственную «типологию шуток» (англ. *joke types for translation*). Согласно Сабальбеаскоа, в случае международной шутки носители разных культур обладают общими знаниями, вкусами и ценностями, которые позволяют понять и оценить данную шутку [24, с. 189]. В таком случае юмор передаётся в переводе без необходимости какой-либо адаптации. Однако в большинстве случаев понимание юмора оказывается ограничено национальной картиной мира, фоновыми знаниями и традициями, свойственными той культуре, в которой шутка была произведена.

В силу имплицитного, коннотативного характера юмора восприятие и понимание смешного зависит не от его лингвистического выражения, а от получателя перевода, который воспринимает шутку в соответствующей культуре. Поэтому идеальный с точки зрения языка перевод может не привести к адекватному восприятию комического, что сразу отразится на реакции на шутку со стороны носителя другой культуры. Непонимание переведённой шутки, потеря её экспрессивности на иностранном языке ведёт к коммуникативной неудаче, и соответственно, также и к переводческой неудаче.

Включение получателя в перевод и необходимость учитывать также и особенности экстралингвистического характера позволяют изучать проблему перевода юмора в рамках коммуникативно-функционального подхода. Согласно данному подходу, при переводе учитываются «не только специфика текстов оригинала

и перевода, но и факторы экстралингвистического характера, связанные с личностными особенностями коммуникантов (автора исходного сообщения, получателя перевода, переводчика), а также то воздействие, которое тексты оказывают на адресатов» [11, с. 48]. Одними из пионеров данного подхода в 70-е годы стали разработчики скопос-теории (нем. *Skopostheorie*, от гр. «скопос» – цель). Согласно данной переводческой концепции, основное внимание в процессе перевода должно уделяться функции, цели текста. Так, как отмечает Катарина Райс в своей статье «Тип, вид и индивидуальность текста: принятие решений при переводе» (*Type, kind and individuality of text: decision making in translation*), одной из главных целей межъязыкового перевода является «создание текста, функционально эквивалентного оригиналу» [19, с. 160] (Здесь и далее перевод иноязычных работ мой. – Ю.М.). Таким образом, согласно коммуникативно-функциональному подходу, при переводе юмора главная задача переводчика состоит в сохранении экспрессии и комизма, присущих исходному тексту.

В связи с необходимостью адаптировать юмор под культуру языка перевода, переводчики юмористических текстов часто пользуются переводческой стратегией доместикации. Термины «доместикация» и «форенизация» (англ. *domestication, foreignization*), введенные американским историком и теоретиком перевода Лоуренсом Винути [22], берут начало в тексте немецкого философа Ф. Шлейермахера «О разных методах перевода». В нём Шлейермахер рассуждает о существовании двух противоположных методов перевода: согласно философу, либо переводчик «оставляет писателя в покое и заставляет читателя приблизиться к нему», либо наоборот, «оставляет в покое читателя и заставляет писателя приблизиться к нему» [20, с. 137]. Первый метод соответствует стратегии форе-

низации: сохраняется «иностранность» характер исходного текста, далёкий от языка и культуры перевода. При доместикации, напротив, происходит культурная адаптация текста, «приближение автора» к культуре языка перевода. Учитывая эту особенность стратегии доместикации, французский теоретик перевода А. Берман охарактеризовал доместикацию как «этноцентричный метод перевода» [13, с. 10].

Популярность прозы С. Довлатова на иностранных языках связана, безусловно, и с большим количеством «международных шуток», согласно типологии Сабальбеаскоа, которые оказываются понятны носителям разных культур. Например, в своих текстах писатель часто использует жанр анекдота, присутствующий во всех культурах, и чья композиция обычно строится на резком сюжетном повороте и неожиданной концовке. Этот эффект неожиданности, «приводящий к нарушению инерции повествования», создаёт комический эффект [9, с. 8]. Доступность довлатовского юмора иностранным читателям позволила американскому писателю Джозефу Хеллеру в рецензии на английский перевод романа «Наши» (*Ours*) назвать Довлатова «русским эмигрантом с чувством юмора американца» [14]. Тем не менее, часто юмор Довлатова оказывается культурно обусловлен и требует адаптации для языка и культуры перевода.

Адаптируя текст, чтобы задействовать экстралингвистические знания читателей, переводчики используют стратегию доместикации. С точки зрения коммуникативно-функционального подхода, такие решения способствуют сохранению комического эффекта, присутствующего в исходном тексте и, следовательно, соответствуют цели перевода.

Рассмотрим примеры использования стратегии доместикации и форенизации в переводе повести «Заповедник».

<i>Заповедник</i>	<i>Pushkin Hills</i>	<i>Retiro</i>	<i>Parque cultural</i>
– Давайте познакомимся.	“Let’s get acquainted.”	– ¿Qué le parece si nos presentamos?	– Vamos nos conhecer.
– Аврора, – сказала она, протягивая липкую руку.	“Aurora,” she said extending a sticky hand.	– Aurora – dijo, tendiéndome una mano pringosa.	– Aurora – disse ela, estendendo a mão pegajosa.
– А я, – говорю, – танкер Дербент [5, с. 177].	“And I am,” I said, “Borealis” [16, с. 6].	– Como el acorazado. Qué asombrosa coincidencia – dije – . Yo me llamo Crepúsculo. Como el submarino nuclear [17, с. 11].	– E eu sou o navio-tanque Derbent [15, с. 32].

Сложность для понимания комизма данного каламбура заключается в том, что для иностранного читателя имя «Аврора» не обладает дополнительными коннотациями (более того, например, в Бразилии это довольно

распространённое женское имя), а русский читатель, напротив, сразу угадывает в реплике персонажа отсылку к крейсеру Аврора, одному из главных символов Октябрьской революции.

Для сохранения юмористической составляющей переводчики на английский и испанский язык использовали стратегию доместикации – в обоих случаях мы сталкиваемся со свободным переводом. Во фрагменте на английском переводчик предпочёл уйти от «корабельной темы», построив юмор на выражении *aurora borealis*, «северное сияние» (термин, как и женское имя, восходит к римской мифологии – так звали богиню утренней зари). Учитывая, что имя главного героя Борис (Boris) также созвучно выражению, безусловно, с точки зрения сохранения юмора такое переводческое решение можно считать удачным.

В свою очередь, переводчики на испанский постарались сохранить авторское намерение и создали каламбур, отталкиваясь от названия корабля. Для этого они использовали приём пояснения (фр. *explicitation*), согласно терминологии А. Бермана, эксплицитно выразив авторский замысел в ответной реплике персонажа: *Como el acorazado. Qué asombrosa coincidencia* («Как крейсер. Какое удивительное совпадение»). Кроме того, для усиления комического эффекта авторы также построили игру слов на значении «заря» нарицательного существительного *aurora* в испанском языке. Обыгрывая данное значение слова, персонаж Бориса Алиханова называет себя в диалоге *submarino nuclear Crepúsculo*, «атомная подводная лодка Сумерки».

Что касается пояснений в тексте перевода, хотелось бы отметить возможную негативную тенденцию, связанную со злоупотреблением данного приёма, на которую обращает внимание

Берман: согласно учёному, в таком случае переводчик выносит на поверхность и делает эксплицитными те смыслы, которые автор намеренно оставил скрытыми. Кроме того, приём пояснения неизбежно приводит к увеличению объёма текста перевода, что, впрочем, Берман считает естественной тенденцией при любом переводе [13, с. 51-52].

В тексте на португальском языке переводчик использовал стратегию форенизации, сохранив авторский каламбур без какой-либо адаптации для языка и культуры перевода. В тексте есть сноска с комментарием, где даётся историческая справка о крейсере Аврора, а также о романе Ю. Крымова «Танкер Дербент», аллюзия на который присутствует в диалоге.

Одной из характерных особенностей языка Довлатова является его стилистическая безупречность и, несмотря на внешнюю простоту, кропотливый подход к созданию фраз, поддержанию ритмической составляющей внутри прозаического текста [2, с. 298]. Безусловно, краткость фраз, преимущественное использование стилистически нейтральной лексики в повествовании, отсутствие сложных синтаксических конструкций отчасти облегчают задачу переводчика. Тем не менее, несмотря на внешнюю простоту авторского стиля, переводчики должны уделять особое внимание звуковой и ритмической составляющей текста, поскольку, как отмечает Е.А. Опарина, «перевод художественного текста должен априори подразумевать стилистическое сохранение оригинала» [10, с. 134]. В качестве примера можно привести следующий фрагмент:

Заповедник	Pushkin Hills	Retiro	Parque cultural
Формально я был холост, здоров, оставался членом Союза журналистов. <...>	Officially I <u>was</u> single, able-bodied and a standing member of the Journalists' Union. <...>	<u>Oficialmente, estaba</u> soltero, sano, y <u>seguía perteneciendo</u> a la Unión de Periodistas. <...>	Formalmente <u>estava</u> solteiro, saudável, <u>continuava sendo</u> membro da União dos Jornalistas. <...>
Формально я был полноценной творческой личностью.	Officially, I <u>was</u> a full-fledged creative personality.	<u>Oficialmente, estaba dotado</u> de una saludable personalidad creativa.	Formalmente, <u>era</u> um artista completo.
Фактически же пребывал на грани душевного расстройства... [5, с. 234]	In reality, I <u>was</u> on the edge of a mental breakdown... [16, с. 66]	Pero lo cierto es que <u>me encontraba</u> al borde del trastorno mental... [17, с. 98-99]	<u>Praticamente, estava</u> à beira de uma crise nervosa. [15, с. 104]

В исходном тексте фрагмент композиционно и ритмически организуется за счёт анафоры (в том числе звуковой), образованной при помощи начинающихся на букву «ф» наречий («формально», «формально», «фактически») и глаголов несовершенного вида в прошедшем времени, описывающих состояние героя.

В переводе все тексты сохраняют композицию исходного фрагмента за счёт повтора наречия в начале фраз, глаголов прошедшего времени (в испанском и португальском тексте используется имперфект). Вернее всего ритмическую организацию передаёт текст на португальском языке, где сохранена наречная анафора (наречия *formalmente, formalmente, praticamente*).

Звуковой повтор в тексте на португальском языке осуществляется за счёт окончаний наречий (-mente), образованных по одной модели.

Одной из особенностей авторского стиля Довлатова является строгое следование правилу начинать все слова в предложении с разных букв. Такой подход, который сам писатель называл «творческими веригами», по его мнению, дополнительно дисциплинировал, уберегая «от многословия и пустоты» [1, с. 241]. Однако в силу особенностей структуры языков ни один из переводчиков не стал его соблюдать. В отличие от русского, английский, испанский и португальский языки являются языками аналитического строя, то есть грамматические отношения в них выражаются в первую очередь синтаксически, что приводит к обилию служебных слов (артиклей, предлогов, вспомогательных глаголов и т.д.). Принимая во внимание наличие артиклей, многозначность и частотное употребление предлогов, попытка строить фразу на иностранном языке так, чтобы начальные буквы в словах не повторялись, неизбежно привела бы к значительному утяжелению фраз и искусственности речи. Это вступило бы в прямое противоречие с такими характеристиками авторского стиля, как простота и ясность фраз.

В интервью журналу *Paris Review* переводчик К. Довлатова сообщила о сознательном отказе от соблюдения этого правила из-за особенностей английского синтаксиса, отмечая, что такой подход был бы невозможен из-за обилия артиклей [26].

С точки зрения стиля, наибольшую сложность при переводе в повести представляет речь персонажей, в которой автор использует сти-

листический приём сказа для характеристики персонажа и создания комического эффекта. Семантико-стилистическая традиция сказа берёт начало в XIX веке в творчестве Н.В. Гоголя и Н.А. Лескова. Сказ всегда имитирует разговорную речь, в том числе содержащую элементы, которые могут признаваться аномальными с точки зрения литературной нормы [3, с. 53], посредством которой читателю даётся представление о происхождении и социальном положении героя.

В «Заповеднике» наибольший интерес и наибольшую сложность для перевода представляет речь персонажей, созданная в традициях сказа (в первую очередь, это персонажи Михал Иваныча и фотографа Валеры Маркова). В их речи смешиваются разные стилевые регистры, присутствуют как просторечия и жаргонизмы (например, тюремный жаргон), так и авторские окказионализмы. Сам Довлатов признавался, что считает повесть непереводимой на иностранный язык, как раз из-за стилистических особенностей речи своих персонажей [6, с. 407].

Речь персонажа Михал Иваныча характеризуется автором как нечто «сродни классической музыке, абстрактной живописи или пению щегла» [5, с. 218], в которой эмоциональный окрас преобладает над смыслом. Его речь суггестивна, персонаж не соблюдает грамматических правил при построении фраз, нарушает темарематическую организацию предложений. В силу этих особенностей перед переводчиками стояла задача воссоздать «неправильность» и экспрессивность речи при помощи грамматических и синтаксических средств, отталкиваясь от структуры языка перевода.

<i>Заповедник</i>	<i>Pushkin Hills</i>	<i>Retiro</i>	<i>Parque cultural</i>
Пятёрку утром хва и знато бьсь в гадюшник... Аванс мой тыка што на дипоненте... Кого же еньть завязывать?... Без пользы тыка... И душа не взойде... [5, с. 218]	Get's a fiver in the morning an'shoot to the piss factory... Advance is on deposit... How'sa imma quit?... What'sa smart in'at?... Where'sa spirit rise. [16, с. 49]	Cinco machacantes cogió pala mañana... sa metió a badri-guera... ¡Cómo eso! ¡Si está tol anticipo guesedebe!... Condrolar, condrolar... ¡Pa condrolar está uno!... Pa na, de na... ¡Ni pa las gracias!... [17, с. 74]	Pegou cinco paus e partiu pro covil... O adiantamento tá no depósito... Como é que dá sem beber?... Serve de nada... Nem a alma levanta... [15, с. 84]

Во всех текстах сохраняется сниженный стилистический регистр – в них присутствуют жаргонизмы и обценная лексика. Кроме того, чтобы подчеркнуть отклонения от литературной нормы в речи персонажа, переводчики сделали ставку на её фонетические особенности. Имитация устной, разговорной речи малообразованного человека осуществляется в первую очередь за счёт отражения на письме сильной редукции,

искажённых форм, характерных для устной речи каждого из языков.

Наиболее «литературным» и ясным для читателя оказался перевод фрагмента на португальский язык: в тексте имитируется разговорная речь со сниженной лексикой, которая, однако, не создаёт особых сложностей для понимания.

Интересно решение переводчиков на испанский язык: помимо редукции, характерной для

разговорной речи, им удалось также отразить, что по сюжету персонаж практически всегда находится в состоянии алкогольного опьянения. В Испании в анекдотах и шутках речь пьяного человека часто имитируется за счёт озвончения глухих согласных ($t \rightarrow d$, $q \rightarrow g$), а также замены согласного t на b (см. пример подобной имитации в сборнике J. Gay Bocheca [18, с. 223]). Поэтому искажённые формы *condrolar* (вместо *controlar*), *badriguera* (*madriguera*), *guesedebe* (*que se debe*) сразу намекают читателю на состояние персонажа, придавая ситуации дополнительный комизм. Следует отметить, что данный перевод можно охарактеризовать как свободный, так как он выполнен на «более низком уровне эквивалентности» [11, с. 48] по сравнению с другими переводами. Испанский текст оказался значительно длиннее оригинала и наиболее удалён от него синтаксически и по смыслу: в нём содержится ряд оборотов и выражений, которых нет в исходном тексте. Тем не менее, поскольку экспрессивная составляющая в речи персонажа преобладает над смысловой, и авторам удалось передать экспрессивность речи в переводе, в рамках коммуникативно-функционального подхода такой перевод можно считать адекватным.

В целом следует отметить, что испанский перевод оказался значительно объёмнее оригинала и переводов на английский и португальский. Это объясняется как примерами подобного свободного перевода, когда для усиления комического эффекта переводчики добавляют элементы, отсутствующие в оригинале, так и наличием пояснений в тексте перевода (см. пример перевода диалога между Авророй и главным героем повести).

В тексте повести также присутствуют и такие пласты смысла и ключевые мотивы, апеллирующие к имплицитным знаниям читателя, адаптация которых невозможна, поскольку это вступило бы в противоречие с авторским замыслом. Одной из важнейших характеристик книги является её «литературность»: текст тесно связан и вступает в диалог с русской литературной традицией, выраженной, в первую очередь, фигурой поэта А.С. Пушкина. Как отмечает А. Генис, «довлатовская книга настояща на Пушкине... Она вся пронизана пушкинскими аллюзиями» [4, с. 332]. Кроме того, один из лейтмотивов

«Заповедника» – это «развенчание» официального советского мифа о Пушкине как символе культуры страны.

Действие повести разворачивается в Пушкинских горах, в музее-заповеднике «Михайловское», куда автобиографический главный герой¹, писатель Борис Алиханов, приезжает поработать экскурсоводом. Попав в заповедник, главный герой оказывается в центре советского пушкинского мифа, зародившегося в 20-е годы XX века с образованием СССР и полностью сформировавшегося как раз к 70-м годам прошлого века (возникновение и эволюция пушкинского мифа подробно анализируется М.В. Загидуллиной [7]).

«Советский Пушкин» и его почитатели оказываются объектами постоянной иронии автора. Довлатов всё время акцентирует внимание читателя на декоративном, бутафорском характере созданного пространства, в котором «Кремль напоминает громадных размеров макет» [5, с. 178], изображение Пушкина висит на будке с надписью «Огнеопасно!» [5, с. 189], и даже у официанта местного ресторана «войлочные бакенбарды» [5, с. 176]. Все эти характеристики, развлекательный характер заповедника, который автор сравнивает с «парком культуры и отдыха» [5, с. 236], позволили американской исследовательнице творчества Довлатова Екатерине Янг метко охарактеризовать его как «*Pushkinland*» [23, с. 114]. Образу «советского», фальшивого Пушкина в повести противопоставляется Пушкин настоящий. Работая в Пушкинских горах и изучая биографию поэта, Борис Алиханов открывает для себя и для читателя другого, «неофициального» Пушкина – не идеализированный миф, а живого человека со своими достоинствами и слабостями, пережившего в жизни ситуацию, подобную той, в которой оказался главный герой повести.

Таким образом, фигура А.С. Пушкина является одним из ключевых элементов, на котором строится вся фабула и композиция, а отсылки к биографии и творчеству поэта присутствуют в тексте на нескольких уровнях. В тексте изобилуют цитаты, реминисценции и аллюзии к пушкинским произведениям. Многие из персонажей повести носят имена героев Пушкина, похожи на них внешне или чертами характера. Да и сам главный герой, писатель Борис Алиханов, пред-

¹ Одной из характерных черт довлатовской прозы является её псевдоавтобиографизм: большинство произведений строится вокруг событий, имевших место в жизни писателя, повествование, как правило, ведётся от первого лица, а сам главный герой внешне и чертами характера напоминает автора и в некоторых произведениях даже носит его имя (например, в романах «Чемодан», «Наши», «Ремесло»).

ставляет собой «литературную переработку» фигуры поэта: он оказывается в Михайловском примерно в том же возрасте и в тех же жизненных и семейных обстоятельствах, что и Пушкин. Аллюзии к пушкинским текстам присутствуют и на уровне синтаксиса: писатель осознанно вставляет фрагменты ритмизованной прозы, когда речь идёт об описаниях пушкинского поместья [5, с. 180].

Такое количество имплицитной информации и подтекстов может быть доступно только подготовленному читателю. Дополнительную сложность при переводе представляет и то, что, как известно, за рубежом Пушкин намного менее известен, чем на родине, и не ассоциируется у большинства иностранных читателей с символом русской литературы и культуры. Как отмечает Загидуллина, за рубежом символами русской литературы скорее являются куда более популярные Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой [7, с. 62].

Переводчики по-разному решают проблему подобной смысловой нагруженности. В испанском издании, чтобы контекстуализировать читателя, присутствуют сноски в конце книги, где комментируются все упомянутые исторические события и персонажи, даются источники прямых пушкинских цитат. Кроме того, посредством сносок объясняются и некоторые авторские шутки, например, вопрос одного из экскурсантов «Почему была дуэль у Пушкина с Лермонтовым?» [17, с. 178]. Кроме того, повесть сопровождается послесловием, где описывается биография Довлатова и основные характеристики его творчества. После послесловия также приведена статья одного из переводчиков текста, Тани Михельсон, «Переводить Довлатова» (*Traducir a Dovlátov*), где Михельсон, характеризуя творчество писателя, упоминает о важности А.С. Пушкина для русской литературы и о существовавшем в СССР культе поэта [17, с. 211].

В издании на английском языке дано меньше всего информации, которая могла бы помочь читателю понять контекст произведения и прояснить некоторые авторские намерения. В книге нет никакого сопроводительного текста, если не считать краткую аннотацию, опубликованную на обложке. В конце текста даны сноски, где также представлена информация о всех исторических личностях, событиях и цитатах, встречающихся в повести. Этим, однако, авторы ограничиваются.

К вопросу контекстуализации читателя наиболее тщательно подошли переводчики повести

на португальский язык. Книга открывается состоящим из двух частей предисловием: в первой части читателя знакомят с биографией и творческим методом Довлатова, а во второй даётся краткая биография А.С. Пушкина, поясняется его важность для русской литературы и история возникновения и развития в СССР мифа о поэте. В предисловии, в том числе, затрагивается и тема развенчания советского мифа о Пушкине и поиска «Пушкина настоящего» в текстах представителей советской неофициальной литературы [15, с. 25-26]. В книге также присутствуют сноски внизу страницы, а на форзаце дана небольшая заметка И.Н. Сухих, одного из крупнейших российских довлатоведов, в которой кратко объясняется значение названия повести и основные задачи, поставленные перед собой автором.

Что касается фрагментов ритмизованной прозы, встречающихся в оригинальном тексте, ни в одном из переводов они сохранены не были. Такое решение может быть оправдано стремлением переводчиков сохранить лёгкость авторского стиля и избежать искусственного звучания текста.

Пушкинский мотив – не единственный феномен русской культуры, имплицитно присутствующий в тексте и представляющий сложность для понимания иностранным читателем. Также важными лейтмотивами, организующими повествование, являются тема антисемитизма в СССР и проблема массовой эмиграции 70-х годов, мотив пьянства и др. Отсылки к этим феноменам советской действительности имплицитно присутствуют в тексте и часто обыгрываются автором в юмористическом ключе. Чтобы способствовать пониманию этих скрытых смыслов, переводчики трёх текстов, как правило, использовали стратегию форенизации, сопровождая перевод сносками с комментарием. Кроме того, как было сказано выше, переводчики на испанский и португальский язык дополнительно обратили внимание читателя на информацию страноведческого характера, важную для понимания текста повести, в соответствующих предисловиях и послесловиях.

Проведённый анализ продемонстрировал, что наибольшую сложность при переводе повести представляет её культурная обусловленность: обилие имплицитной информации, присутствующей в тексте и понятной носителям языка, аллюзии на феномены русской и советской культуры и литературы, на которых часто строится юмор произведения. Стоит отметить, что такая

тесная связь с русской и советской культурой является неотъемлемой частью поэтики Довлатова и присутствует во всех его работах.

В процессе перевода переводчики прибегали как к стратегии доместикации, так и к стратегии форенизации, в зависимости от целей и функций разных фрагментов текста. Для сохранения юмористической экспрессивности фрагментов, комизм в которых строился при помощи языковых средств, переводчиками преимущественно использовалась стратегия доместикации. Хотя в ряде случаев подобная адаптация и вела к расхождению с исходным текстом, делая перевод свободным, в рамках коммуникативно-функционального подхода такой метод вполне может быть оправдан, поскольку соответствует функции текста (создание комического эффекта). Однако в случае, когда объектом юмора становились феномены культуры, адаптировать

юмор, не вступая в противоречие с авторским намерением, оказывалось намного сложнее.

Таким образом, к сожалению, часть смыслов и экспрессии, присутствующих в исходном тексте, теряется в любом случае из-за разницы в картинах мира носителей разных культур и отсутствия необходимых экстралингвистических знаний у иностранного читателя. В этом отношении показательным высказывание итальянского учёного и философа Умберто Эко, сравнившего процесс перевода с переговорами, в ходе которых переводчикам всегда приходится идти на компромиссы и «дабы нечто получить», от чего-то отказываться [12, с. 26]. Тем не менее, анализируемые тексты продемонстрировали, что перевод текста на иностранный язык с хотя бы частичным сохранением его культурной специфики возможен.

Список литературы

1. Арьев А.Ю. Сергей Довлатов. Жизнь и мнения. Избранная переписка. СПб.: ООО «Журнал «Звезда»», 2011. 384 с.
2. Бродский И. О Серёже Довлатове // Довлатов С., Последняя Книга. СПб.: Азбука, 2012. С. 295-302.
3. Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 42-54.
4. Генис А. Пушкин // Довлатов С., Последняя книга. СПб.: Азбука, 2012. С. 322-339.
5. Довлатов С. Заповедник // Заповедник. СПб.: Азбука, 2003. С. 173-280.
6. Ефимов И., Довлатов С. Эпистолярный роман. М.: Захаров, 2001. 463 с.
7. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001. 329 с.
8. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение. М.: МГИМО-Университет, 2013. 219 с.
9. Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. М.: ArsisBooks, 2015. 264 с.
10. Опарина Е.А. Психологические аспекты личности переводчика в процессе межкультурной коммуникации. // Роль перевода в развитии языков и межкультурной коммуникации. М.: РГГУ, 2017. С. 132-138.
11. Усачева А.Н., Махортова Т.Ю., Попова О.И., Новикова Т.Б. Скопос, интерпретация, когниция: от мультивекторной теории перевода к эффективной практике // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2015. № 5 (29). С. 46-59.
12. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М.: АСТ: Корпус, 2015. 736 с.
13. Berman A. A tradução e a letra, ou, O albergue do longínquo. Rio de Janeiro: 7Letras/PGET, 2007. 144 с.
14. Dvlatov S. Ours. 1-е изд. New York: Weidenfeld&Nicolson, 1989. 135 с.
15. Dvlatov S. Parque cultural. São Paulo: Kalinka, 2016. 168 с.
16. Dvlatov S. Pushkin hills. London: Alma Classics Ltd, 2013. 123 с.
17. Dvlatov S. Retiro. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 213 p.
18. Gay Bochaca J. Chistes, colmos y otras risas 1. 3-е изд. Madrid: Ediciones Palabra, 2001. 256 с.
19. Reiss K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation // Venuti, L. The translation studies reader. London and New York: Routledge, 2000. С. 160-171.
20. SCHLEIERMACHER F. Sobre los diferentes métodos de traducir // Teoría de la traducción. Antología de textos. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 1996. С. 129-157.
21. Vandaele J. Humour in translation // Handbook of Translation Studies. Vol 1. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2010. С. 147-152.
22. Venuti L. The scandals of translation: towards an ethics of difference. London and New York: Routledge, 1998. 210 с.
23. Young J. Sergei Dvlatov and His Narrative Masks. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2009. 271 с.
24. Zabalbeascoa P. Humour in translation – an interdisciplinary // Humour. 2005. №18-2. С. 185-207.
25. Contributors: Sergei Dvlatov. All work // The New Yorker [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.newyorker.com/contributors/sergei-dvlatov> (дата доступа: 11 июня 2018 г.).
26. Translating Pushkin Hills: An Interview with Katherine Dvlatov // The Paris Review [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theparisreview.org/blog/2014/03/26/translating-pushkin-hills-an-interview-with-katherine-dvlatov/> (дата доступа: 11 июня 2018 г.).

Сведения об авторе:

Микаэлян Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: лингвокультурология, семиотика культуры, художественный перевод, перевод юмора. E-mail: jmikaelyan@gmail.com.

SERGEI DOVLATOV'S HUMOROUS PROSE: TRANSLATION AND CULTURAL ADAPTATION POSSIBILITIES (ON EXAMPLE OF HIS NOVEL "ZAPOVEDNIK")

Yulia I. Mikaelyan

Moscow State Institute of International Relations (University),
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow 119454, Russia

The Abstract: *The article analyzes the peculiarities of Sergei Dovlatov's style and cultural markers present in his prose that represent difficulties for preservation in translation, using as an example the novella "Zapovednik" and its translations into English, Spanish and Brazilian Portuguese. Through a comparative analysis of the texts employing the communicative-functional approach in translation studies, the author studies the translation strategies undertaken by translators into different languages to convey the stylistic originality and the humor of the novella. Translation of humor is particularly difficult, as it always appeals to implicit knowledge, which may be lost on a person raised in a different culture. Due to these peculiarities translators often resort to a strategy of domestication, adapting the humor to the culture of the translation. This strategy is not always justified, as it may contradict the author's intention. Allusions to cultural phenomena also complicate the perception and understanding of the translated text. As the analysis demonstrates, in spite of a difference in worldview among adherents of different cultures and ignorance of the realities of the source text's culture, leading to a translation's inevitable loss in expressivity and misrepresentation of the author's ideas, the translators largely succeeded in conveying the linguistic and cultural peculiarities of the novella.*

Key Words: *Sergei Dovlatov, humorous prose, Russian literature, translation studies, communicative-functional approach, humour translation, translation strategies, cultural markers.*

References

1. Aryev A. Yu. Sergei Dovlatov. Zhizn i mneniia. Izbrannaia perepiska. [Sergei Dovlatov. Life and opinions. Selected correspondence.] Saint Petersburg: OOO "Zhurnal 'Zvezda'", 2011. 384 p.
2. Brodsky J., O Seriozhe Dovlatove [About Seriozha Dovlatov]. In Dovlatov S., Posledniaia kniga [The last book]. Saint Petersburg: Azbuka, 2012, pp. 295-302.
3. Vinogradov V.V. Problema skaza v stilistike [Problem of the skaz in stylistics]. In O iazyke hudozhestvennoy prozy [About the language of fiction]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 42-54.
4. Genis A. Pushkin [Pushkin]. In Dovlatov S., Posledniaia kniga [The last book]. Saint Petersburg: Azbuka, 2012, pp. 322-339.
5. Dovlatov S. Zapovednik [Pushkin hills]. In Zapovednik [Pushkin hills]. Saint Petersburg: Azbuka, 2002, pp. 173-280.
6. Efimov I., Dovlatov S. Epistoliarny roman [Epistolary novel]. Moscow: Zakharov, 2001. 463 p.
7. Zagidullina M.V. Pushkinsky mif v kontse XX veka [Pushkin's myth in the late twentieth century]. Cheliabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2001. 329 p.
8. Iovenko V.A. Natsionalno-kulturnoe mirovidenie [National and cultural world view]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. 219 p.
9. Kurganov E. Anekdot kak zhanr russkoy slovestnosti [Anecdote as a genre of Russian literature]. Moscow: ArsisBooks, 2015. 264 p.
10. Oparina E.A. Psikhologicheskie aspekty lichnosti perevodchika v protsesse mezhkulturnoy kommunikatsii [Psychological aspects of the translator's personality in the process of intercultural communication]. // In Rol perevoda v razvitii iazykov i mezhkulturnoi kommunikatsii [The role of translation in the development of languages and intercultural communication.]. Moscow: RGGU, 2017, pp. 132-138.

11. Usacheva A.N., Makhortova T.Yu., Popova O.I., Novikova T.B. Skopos, interpretatsiia, kognitsiia: ot multivektornoy teorii perevoda k effektivnoy praktike [Scopos, interpretation, cognition: from multivector translation theory to effective practice]. Vestnik VolGU. Seriya 2. Iazykoznanie. 2015. № 5 (29), pp. 46-59.
12. Eco U. Saying almost the same thing: experiences in translation. [Russ. ed.: Eco U. Skazat pochti to zhe samoye. Opyty o perevode]. Moscow: AST: Corpus, 2015. 736 p.
13. Berman A. A tradução e a letra, ou, O albergue do longínquo. Rio de Janeiro: 7Letras/PGET, 2007. 144 p.
14. Dovlatov S. Ours. 1-st ed. New York: Weidenfeld&Nicolson, 1989. 135 p.
15. Dovlátov S. Parque cultural. São Paulo: Kalinka, 2016. 168 p.
16. Dovlatov S. Pushkin hills. London: Alma Classics Ltd, 2013. 123 p.
17. Dovlátov S. Retiro. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 213 p.
18. Gay Bochaca J. Chistes, colmos y otras risas 1. 3ª ed. Madrid: Ediciones Palabra, 2001. 256 p.
19. Reiss K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation. In Venuti, L. The translation studies reader. London and New York: Routledge, 2000, pp. 160-171.
20. Schleiermacher F. Sobre los diferentes métodos de traducir. In Teoría de la traducción. Antología de textos. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 1996, pp. 129-157.
21. Vandaele J. Humour in translation. In Handbook of Translation Studies. Vol 1. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2010, pp. 147-152.
22. Venuti L. The scandals of translation: towards an ethics of difference. London and New York: Routledge, 1998. 210 p.
23. Young J. Sergei Dovlatov and His Narrative Masks. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2009. 271 p.
24. Zabalbeascoa P. Humour in translation – an interdisciplinary. In Humour. 2005. №18-2, pp. 185-207.
25. Contributors: Sergei Dovlatov. All work // The New Yorker. Available at: <https://www.newyorker.com/contributors/sergei-dovlatov> (Accessed 11 June 2018).
26. Translating Pushkin Hills: An Interview with Katherine Dovlatov // The Paris Review. Available at: <https://www.theparisreview.org/blog/2014/03/26/translating-pushkin-hills-an-interview-with-katherine-dovlatov/> (Accessed 11 June 2018).

About the author:

Yulia I. Mikaelyan – PhD, senior lecturer at Spanish Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Sphere of research interests: cultural linguistics, semiotics of culture, literary translation, humour translation.
E-mail: jmikaelyan@gmail.com.

✱ ✱ ✱